

Мельникова Наталия Георгиевна

Кандидат филологических наук,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: melnikovang@chsu.ru

Melnikova Nataliya Georgievna

PhD in Philology Sciences,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: melnikovang@chsu.ru

Волкова Наталия Александровна

Доктор филологических наук,
Череповецкий государственный университет
(Череповец, Россия)
E-mail: volkova35@rambler.ru

Volkova Nataliya Aleksandrovna

Doctor of Philology Sciences,
Cherepovets State University
(Cherepovets, Russia)
E-mail: volkova35@rambler.ru

**ВЕЛИКАЯ ОТЕЧЕСТВЕННАЯ ВОЙНА
В КАРТИНЕ МИРА СЕВЕРНОГО
КРЕСТЬЯНИНА¹**

**WORLD WAR II IN THE WORLD
PICTURE OF THE NORTHERN
PEASANT**

Аннотация. В данной работе предпринимается попытка описания фрагмента картины мира, связанного с Великой Отечественной войной, в мировосприятии сельских жителей (женщин) Кирилловского района Вологодской области. В исследуемых населенных пунктах военные действия не проводились, однако переживание военных лет как трагического периода для Родины имеет большое значение, этому посвящается значительная часть устных рассказов, собранных в период полевых экспедиций 2002–2017 гг. В статье приводятся фрагменты воспоминаний – устных рассказов о жизни, семье и быте в периоды до, во время и после Великой Отечественной войны, выявляются особенности функционирования диалектных явлений на разных языковых уровнях.

Ключевые слова: диалектная языковая личность, картина мира, Великая Отечественная война, говоры Кирилловского района Вологодской области

Abstract. In this paper, the authors have made an attempt to describe a fragment of the world picture, which is tied to the “Great Patriotic War”, in the world perception of the rural residents (women) of Kirillovsky district in the Vologda region. Military operations were not conducted in the settlements under study, but experiencing wartime as a tragic period for the Motherland is of great importance, a considerable number of oral stories collected during the field expeditions of 2002–2017 focus on this. The article provides fragments of memories – oral stories about life, family and daily routine in the period before, during and after the Great Patriotic War, and identifies features of the dialect phenomena functioning at different language levels.

Keywords: dialectal language personality, world picture, the Great Patriotic War, dialects of Kirillovsky District in the Vologda region

¹ Работа выполнена при поддержке Российского фонда фундаментальных исследований; проект 19-012-00542 «Речевая культура Белозерья в фокусе говора одной деревни (создание электронной мультимедийной системы по материалам говора д. Борбушина Кирилловского района Вологодской области)».

Введение

Изучение феномена диалектной языковой личности в разных аспектах привлекает внимание ученых. Освещение проблем лингвоперсонологии является актуальным и для диалектологии, изучающей живую речь региона. В настоящее время тексты, собранные в ходе многочисленных экспедиций в разные уголки страны, а также художественные тексты, построенные на диалектной основе, рассматриваются исследователями на всех языковых уровнях [2], [3], [5], [6]. Достаточно подробно проблема процесса реконструкции языковой личности разрабатывается на материале литературных текстов (например, А. Яшина, В. Белова, В. Шаламова и др.), в то же время активно привлекается речевой материал, собранный в полевых условиях.

В данном исследовании методологической основой стали работы Ю. Н. Караулова [5], В. И. Карасика [5], Е. В. Иванцовой [2]. При помощи метода речевого портретирования предпринимается попытка не только описать особенности языковой личности, но и проследить, как раскрывается образ войны через призму восприятия простого человека, сельского жителя Вологодской области. Следует отметить, что линия фронта не проходила в тех населенных пунктах, где проводились записи с информантами, однако в их воспоминаниях образ войны и человека военного времени воссоздается в рассказах о жизни, о детстве, о семье.

Материалом для исследования послужили записи устных бесед с женщинами пожилого возраста в различных населенных пунктах Кирилловского района Вологодской области. Общий объем анализируемых текстов – 20 часов звучания. В процессе исследования принимались во внимание данные картотеки Череповецкого государственного университета, собранные в период диалектологических экспедиций с 1980-х гг. по настоящее время.

Основная часть

В процессе записи текстов беседа с каждым информантом выстраивалась таким образом, чтобы тема Великой Отечественной войны не была ключевой. Просьба заключалась в том, чтобы вспомнить жизнь в прежние годы, рассказать о природе (лесе, огороде, реке, особенностях местности, растениях и животных), о семье (детях и внуках), о молодости и замужестве, сельском хозяйстве и промыслах. Многие устные рассказы первоначально не были направлены на военную тематику. Однако во время бесед (особенно длительных, 1 час и более звучания) военная тема становилась ключевой, ведущей. Несмотря на то, что этот трагический период затронул многие приятные моменты жизни (детство, замужество, рождение и воспитание детей), отношение к событиям 1941–1945 гг. всегда однозначно отрицательное, замещающее собой частные радости отдельного человека. Беседа со Спиричевой Лидией Анатольевной (1931 г. р.) коснулась детства рассказчицы, повествование о родителях переходит в тему детского труда, сиротства:

А когда началась война, отец мой ушел в первый день на войну. Отец мой партийный, он добровольно, без всяких там... Его сразу же взяли в первый же день войны. А мама уже сильно болела к тому времени. У ней был туберкулез. Она уже очень плохо себя чувствовала, вот и нам трудно-то и стало. Мама уже стала почти что не ходила, лежала. Мне было десять лет тогда, ещё брат был два с поло-

виной года, хозяйство было, было насажено в огороде, картошка, овощи, была ещё корова. Я корову **при маме не доила**, потому что **маленька была, мне не разрешила мама. Как заболела, мне пришлось**. Как приду корову доить, а корова отходит, отходит, а я не знаю чего <...>.

Пятого декабря **умерла** моя мама. Мы остались **совсем одне с братом** и жили зиму, и втору ешо зиму жили. А потом, когда **совсем тяжело** стало Марии, она совсем не знала, что делать с нами. У нас было там богатством не назовёшь. А кой-чо было, она на хлеб променяла, на мясо все ушло, всё в общем ушло. И приходит папина сестра Марфа и говорит: «Как ты тут **с этой оравой?**» Она говорит: «Ой, Марфа, меня, кажется, с руками и ногами съедят». Посидели, потолковали, Марфа говорит: «Давай тогда я еще возьму их, пусть ко мне, уж ты так». Вот меня и переездили к Марфе. А у **Марфы тоже было трое детей и тоже одна корова. Уже всё ушло**. Ну мы тоже около двух лет жили <...>.

Марфа тоже очень уж слаба, пятеро. А пришла одна женщина и говорит: «Марфа, я слышала, что ты бедуешь. Я давай **возьму девочку, а мальчика в детдом сдадим**. Ведь нельзя тебе больше так». Подумали, подумали, так и сделали¹.

Из рассказа очевидна тяжесть голодной жизни, детей пытались сохранить в своих семьях до самого крайнего случая. И только угроза гибели всей семьи становилась поводом для отправки осиротевших детей в детский дом. Таким образом, параллели мирная жизнь – война противопоставляется параллель семья (отчий дом) – детский дом, сиротство. При этом следует отметить, что понимание семьи было широким: это не только мать или отец, братья и сестры, но и бабушки, дедушки, тетки и дядя, все родственники второй и третьей линии. В северных деревнях в до- и длительное послевоенное время сохранялась традиция приема осиротевших детей в родственные или соседские семьи или в любые семьи данного или ближайшего населенного пункта. Отправка в приюты была самой крайней мерой (в случаях, когда речь шла о неизбежной голодной гибели), до самого последнего момента детей пристраивали на работу в обмен на скудное пропитание.

Война противопоставляется описанию мирной жизни, работе в довоенное время в период образования и начала становления колхозов. Достаточно часто при построении предложений используются антитезы (конструкции с противительными союзами):

*А потом вторая война пошла. И ребята **маленьки**. У меня **троё**, дочка да два сына. Поднимала. Жили. Потом стали помогать. Муж бронь носил, жил дома, **лосей били и отправляли на фронт, на охоту ходил**. Если убьёт, придёт, позвонит и придут с Череповца. И мясо увезут туда на фронт. Война-то долго шла. Трудно было жить. А потом всё кончилось* (Кальгина Е. М., 1916 г. р.).

*Война была, тоже много **роботали, голодали**, это вам известно. <...> А люди были **добрые**, они друг другу все помогали. Не было как сейчас, живут врозь, все*

¹ Каждый устный текст передается в упрощенной транскрипции, орфография сохраняет особенности произношения.

жили как бы *одной* семьёй. Совсем уклад жизни другой ведь был – девочки раньше так *винонэ* пили, все *роботали*, все *ходили*, *вот* бригадир даёт знать, в середине бьёт железкой. Все на работу выходили, как по часикам. Кто на ферме *роботал*, кто на полеводстве, *кто чо*. Все *роботали*, *нёроботей* не было. Пенсию не *плотили*, до старости *доживут*, так все *перебивались*. Я раньше любила в лес *ходить*, а теперь *боюсь*. Раньше в лесу *коровы ходили*, людей было *много*, а теперь никто не *ходит дак*. Вон слышишь *дак ы* кабаны и медведи *ходят*, *опасно* идти, так *што* всё пусто. Вон поля-*то*, где хлеб рос, теперь всё заросло, некому *ничего* работать (Князькова В. А., 1930 г. р.).

Не было в войну света, дак *лучену* жгли. Щипали *лучену*. Был такой светильник с дырочками, тут утыкали, зажигали. Не было керосина, ни *соли*, ничего не было. Собирали все на поле маковки, да разные травы.

Окурят на войну ведь мы попали. Дак голод был. Дак вот и *питалис*, дак у нас из детей никто не умер. В лесу были *дудели* такие вот, мы их ели тоже, съедобные вот. Сверху-*то* листья, а там-*то* вырвет, гладкие, вкусные. Теперь *дуделей нету* здесь (Красавина Н. Н., 1931 г. р.).

Я *ешио* маленькая начала работать. Семь *годов* было. Боронила, на лошади *нахала*, грядки мы чистили, *сожжали* капусту. А потом война *началася дак*, дак в войну всё делали, наравне со взрослыми. В школу *ходили*, начиная с октября, с *май до октябрьской* в военные годы *ничо* не было, *даккушали* сосульки, *клевера собирали*, *шавель* собирали дикий, это все было *съедобно*. Было время *опилки* даже ели. *Опилки* были очень *тяжелы* для живота. А эту траву *дак* всю ели (Липичева В. В., 1926 г. р.).

В мировосприятии каждого рассказчика выстраивается целая система событий, отражающая разные стороны жизни: *детство – голод – болезнь – смерть*; *детство – сиротство – детский дом (приемная семья) – голод – нищета*; *детство – члены семьи – смерть (извещение о смерти) – личные переживания*. Отдельную группу составляют слова категории состояния, связанные с тематикой войны: *голодно, трудно, тяжело, больно, холодно*. «Тяжко» – это выражение не только физической усталости от труда, но и моральный гнет, ощущение постоянного желания передохнуть, остановиться в потоке жизненных событий.

Сложность физической работы в тяжелых климатических условиях очень часто находит отражение в женских устных рассказах. На период военного времени они были юными девушками, как правило, не обладающими физической силой. Показателен рассказ Надежды Николаевны Прониной (1926 г. р.).

Я *маленькая* была, *худенькая*. Питание было *плохое*. Ёлки валили – мужчины рубили, *надо было помогать*. В январе месяце в бухгалтерии бухгалтер был *паренёк*, но его в армию взяли, и председатель колхоза отправил лошадь за мной сюда, чтоб меня *взять*. Вот я стала бухгалтером в январе сорок *второго* года. Председатель мне всё показал, как *надо* и бумажки подписал, я *проработала* войну, холодно было в конторе.

А зимой с лучиной домой к себе, со всеми бумагами. Дома холодно, без дров даже. В войну одни женщины были, а мужчин у нас много. В двух деревнях, наверно, больше двадцати, и все они были как солдатики.

Днем молотила вместе со всеми, работала наравне со всеми женщинами, а вечером с лучиной дома документы проверяла. Четыре километра каждый день надо бегать, каждое утро до работы так идти. Отец вот вернулся, и отца взяли председателем колхоза, мне уже и работы нет.

Голод, холод и труд сопровождали людей постоянно. Во всех воспоминаниях отмечается, что люди военных лет не боялись работы, брались за любую, даже самую тяжелую. Необходимость выжить и в то же время помочь Родине – основное желание каждого.

В устных рассказах военные действия на линии фронта, то, что происходит «там», «на войне», всегда противопоставляются тому, что «здесь», «в деревне», «в лесу». Для многих информантов (даже тех, кто не был участником военных действий, а все время проживал в тылу) воспоминания выстраиваются по типу параллельных реальностей: то, что происходило там, на войне, выстраивается по письмам и рассказам участников боевых действий, то, что происходило здесь, – по собственным воспоминаниям и переживаниям. И те, и другие события носили трагический характер, они тесно связаны со смертью, голодом, нищетой.

В семье семеро было нас. Два брата, один погиб в 1944 г. А этот брат в Вологде жил, полковник, умер тоже. Сестра старшая тоже умерла 79, вторая умерла на 83 году, брат на 84 тоже долго жил, одна сестра на войне была партизаном дак рано умерла, 69 годов всего было. <...> Худое наше детство было, голод. Юность, в юности война (Цепилова А. М., 1924 г. р.).

Душевно попляшем, даром мы голодные, и в каждом доме играли, и в клубе беседы собирались в очередь. Собиралась молодежь, девчата и парни, вечер проводили, там у нас кадрили местная была, потом перепляски и частушки. Теперь это очень редкое явление (Суслова П. М., 1928 г. р.).

Пахали на лошадях, бригада была человек десять – двенадцать, пахали по тридцать, по сорок соток. Утром уедем пахать, боронить, часов в пять, и до девяти часов вечера. В девять часов приедут к нам в поле, завтрак привезут. Мы в поле позавтракаем и обратно до обеда пахать. Обедать дак тут в одном доме собирались, и все обедали. У кого семьи большие, даже домой уносили – годы-то тяжелые были, голодные. Пахали дак обушки не было, одежи не было, пахали босиком. Утром рано ноги озябнут, посидишь, отогреешь и дальше (Текулина А. В., 1940 г. р.).

Живу одна, у меня мужа давно нету. Што мы жили-то, наша молодость, ничо у нас не было. Вот с сорок семова, нас у мамы было шесть – три сестры и три брата. Папу тоже на войне убили, в сорок первом. Дак чо, ведь голодали, мох ели, траву ели, всякую мякину. Постарше меня брат был. Уйдёт с утра в лес, собира-

ет там землянику, насобирает вот такую корзиночку. Всё темно, а его нет. Мама и пойдет искать его, вот принесёт земляники.

Была у нас корова, **вот ы выжили**. Землянику натолчёт в блюдо, нальёт молока, насыплет моху. **Мох толкли, брали в болоте**. Высушишь, а потом такая штука была деревянная, **потолкут** в этой штуке и делается такой, как мука. В молоко-то и насыплют этого моху. Ни сахара, **ничто** не было. Продавался такой сахарин, в самовар бросишь – сладко.

Вот мама осталась с какими. **В некоторых семьях с голоду пухли, голодно, столько народу умерло. А у нас корова была, молоко давала, дак мы все выжили, мы и не пухли, никто у нас с голоду не умер** (Огурцова В. В. 1937 г. р.).

Я человек военный, **в военные годы росла**. Так **голодные** мы были. У нас было **две семьи, его семья и моя семья**, моя семья так: было нас пятеро детей, потом отец работал трактористом. Когда первые трактора были, так он на тракториста выучился. Потом **война началась, его взяли на войну, потом старшего брата моего взяли на войну. Отец без вести пропал. Так и не знаем, где он**. Мать вот нас растила, а в сорок шестом году **окончила школу**, уехала. Была в Рахуле школа, больше тридцати учеников в классе было. Я когда стала работать, здесь на медпункте, было у нас до пятнадцати лет пятьдесят три человека детей, а сейчас только один остался. Была у нас и школа, и библиотека, и сельсовет, и почта. Ну, в общем, **всё было**. Клуб. **А сейчас ничего нет**. Сейчас двенадцать человек в деревне осталось. И земля не пашется, не сеется. Всё заросло. Я в двадцать восьмом году родилась. Так уже тогда стали колхозы, единоличники были. **Вот** единоличник жил в этом доме, он в колхоз не вступал. **Остальные в колхоз. Все работали. Вот в войну** например мы учились не с сентября, а с первого октября мы учились. Ещё летом мы работали. Было десять, одиннадцать лет. Коров пасли, телят пасли, овец пасли. Очень много было скота. Потом навоз на лошадях возили. **Подростки** даже десяти, даже восьми годов **все-все работали**. **А сейчас вот наши внуки и ночь пробегают**, а день до двух, до трёх спать. Нет. **Вот** даже наши дети и то. **Вот** мы пойдём на сенокос в два, три часа, их будили, пока они **вот в армию** не ушли. А внуки нет. Внуков не разбудить. Есть и медведи, и волков сей год много охотники убили. **Вот** позапрошлый год очень много было грибов **вот, всяких-всяких**. Прошлый мало было ягод, только за клюквой мы ходили. У нас тут лагерь был, так вырубили лес-то все. Черники много было. Ой, я люблю по ягоды ходить. Пойдёшь черники корзину большую, больше десяти килограмм, а клюквы так больше двадцати килограмм мешок собираешь и по болоту тащишь. Здесь **вот** два километра ходили, реку переедешь, а там болото. **В клуб всё равно ходили гулять**. У нас беседы были, **вот, например**, мы ходили в школу. **И голодные всё равно ходили на гуляние** (Кирилловский район, информант – неизвестная женщина).

Воспоминания о трагических событиях, повторные переживания прошлого заставляют информантов забыть о том, что они беседуют с чужими для них людьми. Рассказчик, как правило, пытается включить собеседника в диалог, сам задает вопросы, но часто сам на них и отвечает. Такое построение устного текста сопровождается наличием фонетических и грамматических диалектных форм. Очень часто

информанты, вспоминая свое прошлое и прошлое своей семьи, включаются в языковую норму повседневности, широко употребляя диалектные особенности, характерные для живой речи на данной территории. Так, например, в говорах Кирилловского района часто встречается твердое или мягкое цоканье: *пецка-та, три доц'ки, ц'ай пили* и др. Полное оканье, долгие твердые шипящие, наличие постпозитивных частиц и частицы *дак*, употребление кратких форм имени прилагательного – отличительные черты живой речи русского крестьянина, данные явления отражаются в устных рассказах.

Война стала. На оборонные горицы, там на оборонные были пять месяцев. Оттуда в масле, опять в колхозе сиять, боронить, навоз возить и потом осенью жали, убирали с этим с зерном. Мешки надо государству сдавать, все мешками. Государству возили и сено, и это, и хлеб, и все в войну дак. А потом опять зимой на Перегорию послали дрова рубить для детдома. Нас двое с девкой с одной ешишо. Та ешишо моложе меня Ольга Козла, Господи, вот такие целые-то, здоровые-то – спилим, надо двухметровые тоскать. Одна-то на плечах, другая-то еле встанёт. Стоим качаемся. А ешишо молоды-то были, расхохочемся да падём. Я щас вспомнить всю жизнь только в тяжелой работе. И работала дак и теперь и ели хожу. А ешишо хозяйство дак вышло дак – пятеро детей. Встала, всех надо, четыре парня, одна девка. Вот так. Потом все уехали. Овдовела рано. Муж умер, он участник войны, пришел инвалид с войны и рано помер дак. Одна держала корову, овец, телёнка, и это все одна и воду тоскать вон под горки всё одна, везде одна дак. Теперь до чё добилась вся, что ходить не могу. Такое дело (Соколова Л. А., 1923 г. р.).

Училась я немного – четыре класса, а потом все работала в колхозе счетоводом, работала кассиром, вот так. Дак чего: вся жизнь была худой, как говорится, не до смеху было. Жизнь незавидна была, только одну работу и знали. Дома коровушку держали. Дак со скотинкой обхаживались, все здесь допоздна, до вечера. Ляжем отдохнуть, встаёшь, да опять тоже самоё. Надо с девяти на работу, не опоздать, да и дома надо управить скотинку. Корову, овец держали даже.

Я вышла двадцати годов замуж. А до двадцати годов дак чего, семья была большая, было не до гулянок. С родителями десять человек нас было. Да, милая, жизнь тяжёлая у меня была. Замуж-то знай, как и выходила. С ветру гулять не гуляла с ним долго. Он работал участковым милиционером. Ну вот, приезжал в контору по делам, приезжал, да вот друг на друга смотрели и приглянулись, видно, или что. Стал замуж звать, а я думаю, как из меня замушница. Я, вроде, ещё не все знаю, не умна, как говорится. А вот всё, пришлось. Схоронила его недавно. За это время жили, дурака не валяли, не ругались. Когда-то и бывает горюешь, да и все.

Первого мая отмечали и октября, седьмого ноября Спасов день. Не у нас, а вот рядом, километров за пятнадцать, Иванов день. С гормошкой ходили, вот партиями ходили, кто с кем дружит, ходили по деревне. Надо идти, а идти не в чем, то на ноги нечего, дак сейчас-то видишь, сижу в катанках, холодно и ногам (Тихонова Е. А., 1924 г. р.).

Анализ вербально-семантического уровня позволяет констатировать, что опрошенные информанты являются носителями говора, в их речи регулярно прослеживается функционирование диалектных явлений, характерных для севернорусских говоров, на всех языковых уровнях, литературный язык реализуется в региональном варианте. Диалектная лексика находится в пассивном словарном запасе, периодически используются лишь некоторые лексемы, основную часть составляют общерусские слова.

Лингвокогнитивный уровень отражается в устных рассказах на тему быта, уклада семьи, воспитания детей. Все события транслируются на фоне военного времени. В связи с этим можно говорить о том, что сквозными концептами в мужской речи [1, с. 161] являются «родина», «труд», «семья», а для женской речи добавляется сквозное понятие – «война». Следует отметить, что последовательность и приоритетность у мужчин и женщин различны: для мужчин – *родина, труд, семья*; для женщин – *семья, труд, родина, война*. Причем понимание последней находится в антонимических отношениях к трем предыдущим составляющим.

Прагматический уровень составляют потребности в общении, в желании передать информацию другому поколению, научить жизни. Многие женщины почтенного возраста не имеют узкого профессионального образования, однако все они реализовали себя в той или иной мере в педагогической сфере в период воспитания подрастающего поколения. Трудное детство и юность, преодоление сложных жизненных ситуаций, опыт семейного воспитания, а также психологические особенности старшего возраста являются причинами появления назидательной тональности, позиции «Старшего» («Родителя»), стремления научить собеседника «премудростям жизни», «не глуповать». Для высказываний характерна оценочность описываемых событий, людей, эмоциональность повествования. Думается, что это связано не только с тематикой устных рассказов, но и типом личности жителя северной деревни.

Выводы

Великая Отечественная война – большая трагедия всего русского народа, нашедшая отражение не только в художественной литературе и мемуарной прозе, но и в воспоминаниях обычных людей. Во время полевых экспедиций 2002–2017 гг. в беседе с информантами данная тема становилась ключевой, поскольку рассказы о жизни, о молодости, о семье так или иначе были связаны с военным или послевоенным периодом. Война наложила свой отпечаток на судьбу каждой семьи, поэтому рассказы о событиях тех лет становятся «точкой отсчета» для многих в процессе повествования.

В беседах не наблюдалось кодовых переключений (о них подробно говорит М. И. Черняева в своей работе [6]). Эмоциональный фон рассказа заставляет информантов забывать о «необходимости переключиться», говорить более правильным языком. Следовательно, при анализе фонетических и грамматических диалектизмов можно с уверенностью говорить о наличии выделенных явлений в речи жителей данной территории (полное оканье, цоканье, наличие постпозитивных частиц и др.).

Анализ устных текстов позволил воссоздать некоторые фрагменты модели мира, свойственной жителям определенной территории. В нашем случае мы можем гово-

речь о диалектной картине мира северного крестьянина, жителя западных районов (в частности – Кирилловского) Вологодской области. Дальнейшее разноаспектное изучение живой речи других населенных пунктов позволит реконструировать модель языковой личности северной деревни.

Литература

1. Волкова Н. А., Ганичева С. А., Загуменнов А. В., Ильина Е. Н., Мельникова Н. Г. Народная речь Вологодского края: опыт мужского речевого портрета. – Вологда, Череповец: Череповецкий государственный университет, 2017. – 232 с.
2. Иванцова Е. В. Феномен диалектной языковой личности. – Томск: Издательство Томского университета, 2002. – 312 с.
3. Ильина Е. Н., Карачева Н. Н. Диалектная языковая личность и ее репрезентация в прозе Александра Яшина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3 (64). – С. 75–78.
4. Карасик В. И. Языковой круг: личность, концепты, дискурс. – Волгоград: Перемена, 2002. – 477 с.
5. Караулов Ю. Н. Русский язык и языковая личность. – Москва: ЛКИ, 2010. – 264 с.
6. Черняева М. И. Языковая личность жительницы Русского Севера и проблемы современной диалектологии // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2015. – № 3 (64). – С. 94–96.

References

1. Volkova N. A., Ganicheva S. A., Zagumenov A. V., Il'ina E. N., Mel'nikova N. G. Narodnaia rech' Vologodskogo kraia: opyt muzhskogo rechevogo portreta [Folk speech in the Vologda region: analyzing male speech portraits]. Vologda, Cherepovets: Cherepovetskii gosudarstvennyi universitet, 2017. 232 p.
2. Ivantsova E. V. *Fenomen dialektnoi iazykovoi lichnosti* [Phenomenon of the dialect linguistic persona]. Tomsk: Izdatel'stvo Tomskogo universiteta, 2002. 312 p.
3. Il'ina E. N., Karacheva N. N. Dialektnaia iazykovaia lichnost' i ee reprezentatsiia v proze Aleksandra Iashina [Dialectic linguistic persona and its representation in the prose of Alexander Yashin]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2015, no. 3 (64), pp. 75–78.
4. Karasik V. I. *Iazykovoi krug: lichnost', kontsepty, diskurs* [Language circle: personality, concepts, discourse]. Volgograd: Peremena, 2002. 477 p.
5. Karaulov Yu. N. *Russkii iazyk i iazykovaia lichnost'* [The Russian language and linguistic persona]. Moscow: LKI, 2010. 264 p.
6. Cherniaeva M. I. Iazykovaia lichnost' zhitel'nitsy Russkogo Severa i problemy sovremennoi dialektologii [The linguistic identity of a resident in the Russian North and the problems of modern dialectology]. *Vestnik Cherepovetskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Cherepovets State University], 2015, no. 3 (64), pp. 94–96.

Для цитирования: Мельникова Н. Г., Волкова Н. А. Великая Отечественная война в картине мира северного крестьянина // Вестник Череповецкого государственного университета. – 2019. – № 4 (91). – С. 74–82. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-7

For citation: Melnikova N. G., Volkova N. A. World War II in the world picture of the northern peasant. *Bulletin of the Cherepovets State University*, 2019, no. 4 (91), pp. 74–82. DOI: 10.23859/1994-0637-2019-4-91-7